
детектив - событие

Евгения Михайлова

БЕЗ СМЯГЧАЮЩИХ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Без смягчающих обстоятельств

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Без смягчающих обстоятельств / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2024 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-04-195619-6

Валентина Гринева перенесла сложную операцию и нуждается в заботе и уходе, но она живет в ужасных условиях. Почему, ведь Валентина – единственная дочь и наследница знаменитого писателя. Узнав правду, оперировавший ее доктор Веригин может спасти сразу несколько жизней... Евы считала себя самой обычной девушкой, пока не познакомилась с Митяем. Богатый бездельник и бедная тусовщица оказались родственными душами и стали деловыми партнерами. Их бизнес феерически успешен, но многим это не нравится... К известной актрисе Регине обращается зоозащитница с просьбой забрать брошенную собаку. Спасая ее, Регина понимает, что с хозяином случилась беда, и нанимает для поисков пропавшего частного детектива Сергея Кольцова... Герои остросюжетных рассказов Евгении Михайловой по-разному понимают справедливость, но готовы ради нее пойти на риск. Им приходится столкнуться с подлостью и предательством самых близких людей, но они, несмотря ни на что, находят в себе душевные силы противостоять злу и выйти из схватки с ним победителями. Герои этих новелл – обычные люди, они беспомощны, беззащитны и поодиночке пропадут, но могут помочь друг другу в схватке с несправедливостью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195619-6

© Михайлова Е., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Добрый доктор	7
Бедная богатая Ева	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгения Михайлова

Без смягчающих обстоятельств

Все персонажи и события новелл вымышленные. Любые совпадения с реальными фактами случайны

© Михайлова Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Добрый доктор

Коллеги и пациенты относились к нему не просто по-разному. Мнения и выводы были противоположными. В одном сходились абсолютно все, кто знал доктора Артема Веригина: этот человек не имеет отношения к устоявшимся стереотипам, догмам, представлениям и даже принятым большинством нормам морали. Из всех «за» и «против», восторгов и протестов, неприятия и пылко поклона вытекал один вывод: Веригин – необыкновенный человек. Это может значить, что он лучше многих. Это может значить, что он хуже всех по какому-то тайному набору качеств, о котором особо подозрительные люди могут только догадываться. Ясно лишь, что Артем не есть средний, обычный и, стало быть, понятный человек.

– А непонятный – это опасный, – изрекала заместитель главврача Антонина Ивановна в своей категоричной манере властного и не знающего сомнений командира.

Женщины за все время работы Артема в клинике – а это уже три года – так и не смогли оценить и сформулировать степень его привлекательности по устоявшимся критериям. И тут все было так и не так. По документам Веригину сорок два года. А выглядит он моложе, даже трудно сказать, на сколько лет. Все дело в лице. Оно иногда кажется вообще мальчишеским: правильный овал с аккуратными чертами и небольшими серыми глазами, которые смотрят на всех прямо и доверчиво. Чаще всего их взгляд бывает ласковым, утешающим, ободряющим, что далеко не все считают нормальным. И вдруг взгляд твердеет, холодеет, как скальпель, который уже проник под чью-то несчастную кожу перед тем, как его обладатель рассмотрит, что там такое есть внутри. А это уже почти страшно.

У Артема Веригина в больнице был особый, совершенно уникальный статус, который, конечно, определял его отношения с людьми. Он формально значился хирургом, но на самом деле являлся фактическим владельцем клиники, которая с его появлением из захудалой государственной в дальнем и бедном поселке Подмосковья перешла в разряд частной с одной особенностью: большинство пациентов лечились бесплатно. С таким предложением пришел в администрацию поселка Артем Веригин, сын известного академика Веригина, после смерти отца. Артем захотел стать единственным инвестором больницы. Все свое наследство он предложил вложить в развитие клиники, внедрение новых методик, приобретение современного оборудования. Он также взял на себя формальное решение вопроса на всех бюрократических уровнях. Имя отца открывало все двери: академика знали и уважали очень многие. От должности главврача Артем отказался, им остался прежний – молчаливый, всегда удрученный беспощадностью неразрешимых проблем, не очень здоровый Иван Петрович, который проработал здесь не меньше сорока лет.

Отношения Артема с коллегами внешне были замечательными; с ним трудно вступить в конфликт при всем желании и при любом характере. Он сам – неизменно добродушный, естественный, в меру разговорчивый, готовый выслушать и помочь. Но откровенную, видимую дистанцию, которая отделяла его от всех и каждого, он не пытался преодолевать. Когда его привлекали к обсуждению чужих личных проблем, он вникал с готовностью и интересом. Его мнение и советы были, возможно, не всегда полезными, но непременно познавательными, необычными, давали повод подумать. Но никто ничего не знал о личной жизни Веригина. Он был не то чтобы скрытным – просто умело, изобретательно и даже забавно уходил от любых разговоров о себе. Женщины в больнице сумели узнать только то, что он «сейчас не женат». Мужчины, даже Иван Петрович, постоянно обращались к Веригину за помощью, советами, и не только по профессиональным вопросам (у Артема же такие связи...). Говорить с ним было просто и приятно. Но ничего похожего на дружбу ни с кем у него так и не появилось. Вскоре все смирились с тем, что Артем – одиночка без надежд на перемены. У этого было и реальное, логическое объяснение: Веригин жил с наукой. В ней для него не было неизвестных

мест и лишних знаний. В своей работе он не ограничивался хирургией. Веригин мог оказать своему пациенту любую помощь. Он замечал угрожающий инфаркт, ранние признаки заболевания легких, депрессию и даже мог вылечить больной зуб без помощи стоматолога. В его маленьком кабинете как-то помещались любые приборы и материалы. В клинике небольшой штат, и главврач с Артемом решили, что увеличивать его новыми специалистами не стоит. Они справляются.

Это было в чем-то завораживающее зрелище. По узкому коридору с низким потолком торопливо проходят, пробегают врачи и сестры. И вдруг появляется очень высокая фигура человека, над медицинской маской которого по-детски ласково и смущенно сияют серые глаза. Он сутулится, жметя к стене, чтобы стать меньше и никого не задеть. Он никогда не спешит. Он всем приветливо кивает, но никого не выделяет и не задерживает. И все видят поверх его хирургического халата прозрачный плащ одиночества, которое не беда, а, наоборот, комфорт.

Зрелище-то, конечно, теплое и приятное. Оно становится еще более милым, если проследовать за доктором в палаты во время обхода пациентов. У Веригина необычная, странная и трогательная манера общаться с больными. Он разговаривает со страдающими взрослыми людьми как нежная мамка или нянька. «Так не больно? Ничего, сейчас пройдет. Это плохой доктор сделал маленький укольчик. Вдохните глубоко и свободно, смотрите на этот экран: там всегда море и всегда разное. Ну вот. Какая умница» – так тихо бормочет Артем и грузному угрюмому мужчине, и нервной даме, и робкой старушке. А с детьми иногда затевает серьезную философскую беседу на равных.

Но то, что для постороннего наблюдателя остается за кадром, далеко от идиллии.

– Ох, он такой... – почти всхлипнула от восторга юная санитарка Аллочка. – Я просто балдею от него. Все больные от него тащатся.

– Как же надоел этот цирк. Это вечное комедиантство, по сути, издевательство над больными людьми, которых он заставляет верить в сказки, – морщится Антонина Ивановна. – Он выходит из палаты, а они начинают ждать, что через пять минут смогут вылететь из больницы и порхать, как бабочки на лугу. А потом понимают, что ничего не прошло, стало только хуже, и тогда ноют, клячат или воруют антидепрессанты.

– Это неправда, – сурово замечает кардиолог Валерий. – Веригин никогда не приукрашивает положение больного, не скрывает ни тяжести лечения, ни рисков. У него просто мягкая манера подавать самые жесткие вещи. Кому это мешает? Вы просто сплетницы.

– Ой-ой-ой, – насмешливо произносит Марина, хирург-стажер. – А судьи кто? Валере просто удобно, что Веригин берется за его инфаркты, когда ему самому надо бежать на три свидания сразу. Что касается мягкости и жесткости, то тут я согласна. Артем – тот человек, который спокойно вынесет больному смертный приговор, погладит лобик и мягко придушит его своими ласковыми руками.

– Ты свихнулась? – изумленно спросил у нее Валерий.

– Я же фигурально, – немного испуганно объяснила Марина. – Но он на самом деле похож на маньяка из триллера.

– Я такой бред редко смотрю, – заявила Антонина Ивановна. – Но по тому, что видела, – да, похож.

– Да вы сами все больные маньячки! – выпалила Аллочка и выбежала из ординаторской с горящими щеками и дрожащими губами.

...В тот день Марина быстро вышла из операционной, на ходу срывая маску и открывая красное воспаленное лицо. Ее глаза плавились от гнева и ненависти. Операция началась десять минут назад. Марина влетела в ординаторскую, и все, кто был в ней и поблизости, услышали ее высокий голос, почти крик:

– Да что он себе позволяет, этот самовлюбленный хам! Он корчит тут из себя императора. Рабовладельца! Я несколько дней готовилась к этой операции, когда он выбрал меня ассистен-

том. Читала историю, все проверяла, рассчитывала. Там сложный перелом шейки бедра уже после операции в другой больнице. То есть больной оперировали такой перелом, накосячили, она опять упала и все на фиг сломала, теперь кошмар. Такой тяжелый случай, и еще других болезней целый букет...

– Да что случилось, Марина? – не выдержала терапевт Светлана. – Почему ты здесь? О том, что это сложный случай, все в курсе.

– Да нипочему! – взвизгнула Марина. – В том-то и дело! Мы только начали, больной ввели наркоз, я поправляла фиксацию. Анестезия еще не окончательно подействовала, пациентка заорала. Она вообще немного психопатка... А Веригин, даже не повернувшись ко мне, говорит: «Марина Николаевна, покиньте, пожалуйста, операционную. Я справлюсь сам». Главное, так издевательски: «пожалуйста». Я начинаю объяснять, он – ноль внимания. Только еще раз сказал: «Выйдите сейчас же. Вы меня задерживаете, пациентка реагирует, тревожится». Я начала извиняться, а он вдруг поворачивается и говорит тихо, но так, что мороз по коже: «Убирайся. Быстро».

– Да-а-а-а, – задумчиво протянула Светлана. – Круто.

В ординаторской уже были все, кто свободен или мимо проходил. Но тему больше никто не поддержал. Марина тоже замолчала и напряженно фиксировала выражения лиц сослуживцев. Она все замечала, она все запомнит. И тех, кто старательно отвернулся, спрятал взгляд. И тех, в чьих глазах мелькнуло сочувствие. И, главное – тех, кто не прятал свое сомнение, неодобрение и даже осуждение: все это относилось к ней. Его они не судили!

– Да ладно, – презрительно произнесла Марина. – С вами все ясно. Вы товар, он – купец. Он ласково улыбнется всем за то, что вы тряпки, о которые он в любой момент может вытереть обувь.

...Валентина с трудом подняла тяжелые веки. Ее окружает и покачивает на своих волнах туман. Она напрягает зрение, чтобы рассмотреть, где оказалась. Маленькая комната, бежевые стены, лампа в белом плафоне на потолке, за квадратным окном с белой занавеской серо-розовый воздух: то ли начало сумерек, то ли рассвет.

– Проснулась? – слышит Валентина мягкий мужской голос и поворачивает голову на звук.

Человек в голубой шапочке хирурга, который склонился над ней, показался великаном. Он опустил маску под подбородок, улыбнулся и продолжил:

– Умница. Просто героиня. Мы сделали операцию, даже не скажу, сколько часов боролись. Еще поболит, конечно. И не скоро пройдет. Но самая тяжелая боль, твоя большая мука, – это ушло, будем надеяться, совсем. Валентина, вы чувствуете, что этого врага больше нет? Это я, ваш доктор Веригин, говорю.

– Да, – непослушными губами проговорила Валя. – Ее нет. Такой, как была, нет. Хотя и плоховато немного.

– Конечно, плоховато. Но теперь все зависит от нас с тобой. У меня есть подробный план лечения и восстановления. Я его распечатал, он висит над тобой на стенке, потом считаешь. Все врачи и сестры готовы с ним работать. Мы пойдем тихонько вперед и потащим нашу бедную, изломанную и собранную ножку. Я заменил вдрызг разбитый сустав и поставил еще три маленьких импланта. Но подробности потом. Сейчас придет сестричка, даст лекарства, сделает уколы, останется на ночь. Утром надо начинать питаться. А пока спокойной ночи, Валя.

Последняя фраза подействовала на Валентину почти мгновенно, как успокоительное или гипноз. Ей даже захотелось зевнуть и потянуться, но не получилось ни то, ни другое. Какой-то странный и удивительный доктор.

Артем вошел в свой кабинет, когда ему позвонила Татьяна Борисова, главный бухгалтер:

– Артем Сергеевич, мы не решили насчет Валентины Гриневой – она у нас платно или нет?

– Нет, конечно. Она жертва медицины, ее в первый раз не оперировали, а пытали и калечили. Надо уточнить, кто именно. И если считать, во сколько обошлась нам операция с имплантацией, – это баснословная сумма. Откуда у нее такие деньги?

– Вообще-то есть откуда. Вы долго работали, я многое нашла. Гринева не простой человек. Можно зайти?

– Конечно. Давай.

– А вы пока наберите в поиске: Валентина Гринева, дочь актрисы Гриневой и писателя-фантаста Вольского.

– Да ты что! В нашей домашней библиотеке полно книг Вольского. Мой отец очень любил его фантастику. Я с Валентиной говорил до операции, она даже не намекнула. Скромный и, как мне показалось, довольно бедный человек.

Когда Татьяна вошла к Веригину, тот увлеченно читал публикации в Интернете, рассматривал фото. Поднял голову, улыбнулся.

– Ну, ты молодец. Сыщик. Я зачитался. Но об этом потом поговорим, уже ночь. Давай решим вопрос и пойдем домой. Конечно, бесплатно. Дочь такого человека в такой беде... Беды не выбирают.

– Артем, тут не все так просто. Эту Гриневу привезли из полупустой, заброшенной деревни, там только старые дома. А по документам у нее большая элитная квартира на Кутузовском проспекте. И главное: я с помощью налоговой получаю информацию о счетах. Так вот, Гринева, как единственная наследница авторских прав отца, регулярно получает очень приличные деньги. Трудно понять, как она оказалась в деревне... Но платить точно может.

– Странная история, – задумчиво произнес Артем. – Я, как врач, с уверенностью могу сказать: внешность и состояние организма Гриневой говорят о том, что это очень нуждающийся человек. Ей сорок семь лет, а выглядит она как заброшенная старуха. Никакого ухода, откровенно скудное питание, тяжелые нагрузки и множество болячек, которые никогда не лечили. Это кроме причины операции.

– Бывают такие экономные люди, – пожал плечами Татьяна. – В степени крайней скупости. Может, и квартиру свою дорогущую сдает. Это сейчас большие деньги. Что уже не наш вопрос.

– Да нет, вряд ли. Тут что-то не то... Я как раз заметил, что люди, которые управляют немалыми средствами, чаще всего понимают свою ответственность перед ними. Им нужны силы, они берегут свое здоровье, даже при наличии чрезмерной скромности. В общем, надо изучить ситуацию. Оставляем вопрос открытым, Таня. Пока не оформляем с ней никаких договоров. Она у нас надолго.

Через месяц Валя проснулась в той же палате, посмотрела в окно, за которым уже всю разгоралось лето. Потянулась с удовольствием, как в детстве, осмотрелась. Здесь уже все привычное и даже уютное для нее. С ней тут так все носят, как нигде и никогда в жизни. Кроме лечения и вкусного питания – постоянные осмотры, гимнастика, прогулки по саду. Даже санитарка Аллочка помогает ей осваивать ходунки, костыли, палки. Валя уже потихоньку старается ходить по палате без всех приспособлений. Но доктор Артем постоянно призывает ее к осторожности. Его замечания удивляют Валентину своей выразительностью и оригинальностью.

– Мы ведь с тобой сразу поняли, что самая тяжелая боль ушла, – говорит он своим убаюкивающим голосом. – Что так плохо, как было, уже не может быть. Но облегчение боли – это не только хорошо. Это еще и потеря бдительности. Это уснувший сторож всего. Работу боли должны выполнять мозг и инстинкт самосохранения. Я понимаю, как хочется просто встать, пойти куда-то и забыть о том, что это бывает тяжело или совсем невозможно. Но такой результат, такая свобода стоят того, чтобы не торопиться, не рисковать всем, чего мы добились. Сейчас стабильность важнее всего. Спешить некуда. Или есть?

– Вообще-то есть, – улыбнулась Валя. – У меня дома две больные кошки и пара немолодых собак. Я оставила немного денег соседу, который их кормит и выгуливает. Он неплохой человек, но может выпить. Я, конечно, переживаю.

– Но ты с ним на связи?

– Конечно. Звоню Васе по пять раз в день. Когда ему надоедает, он отключает телефон.

– Надо было мне сразу об этом рассказать. Мы бы вступили с Васей в контакт. Но теперь уже скоро сама поедешь домой. Валентина, ты не против, если я тебя отвезу?

– Боже, как я могу быть против! Но мне просто неудобно... Лучше я вызову такси, чтобы не отнимать у вас время.

– Мы же с тобой вроде договорились: быть на «ты». Такой непростой путь вместе прошли. Но дело даже не в этом. Все не находил повода сказать: мой папа – академик Веригин – очень любил произведения твоего отца. У нас дома полно книг Вольского. Мне тоже они нравятся. наших отцов больше нет, а мы встретились. Это никогда не бывает случайностью. Не знаю, как тебе, но мне было бы очень интересно пообщаться с тобой не на медицинские темы. Что-то узнать о твоей семье, подробнее о тебе, о твоей жизни. Я, вдобавок ко всему, еще чувствую вину за то, что ты так пострадала от медицины. Хотелось бы контролировать твое восстановление.

– Как интересно, – восторженно и в то же время немного испуганно произнесла Валентина. – Конечно! Я очень рада!

Артем внимательно посмотрел ей в глаза. Она явно не была очень рада. Именно это интересно. Такой клинический случай.

...День выписки Валентины Артем освободил от операций. Зашел к ней в палату, молча следил за ее сборами, за тем, как она прощается с персоналом. К ней очень хорошо все относились. Валя – благодарный, искренний человек. Ее обнимали на прощание, говорили теплые слова и пожелания. Артем серьезно, без улыбки смотрел на ее покрасневшее лицо, мокрые голубые глаза. Да, она потрясена до слез. Такое впечатление, что для нее обычное, доброжелательное отношение посторонних людей – событие. Или даже не только посторонних.

Артем остановил машину у подъезда обшарпанного трехэтажного дома во дворе, заросшем бурьяном.

– Боже мой, – восхитилась Валя, – сколько зеленой травы! Вот моим хвостикам радость.

Из подъезда вышел небритый и мрачноватый человек, который оказался Васей.

«Какой классический тип, – улыбнулся про себя Артем. – Стараются быть недоступным и устрашающим для всех, как дикобраз, а глаза выдают доброту. И все видят только никому особо не нужного выпивоху, который больше всего боится, что на этот раз не перепадет».

Вася открыл перед ними дверь квартиры на первом этаже и буркнул:

– Принимай, Валюха, свое хозяйство. Извиняюсь, прибраться я тут не успел. Но с песами уже погулял и жрать всем давал.

Артем остался на площадке с Васей, пока Валя обнимала собак и кошек.

– Держи, старик, за помощь и заботу, – протянул он Васе пятитысячную купюру. – Я лечащий врач Валентины, Артем. Моя просьба – продолжай пока все делать как делал. Буду вас навещать. Валентине какое-то время нельзя выходить с собаками, нужно полежать. Мы поняли друг друга?

– Да неужели! Я бы и сам догадался... Ты давай, заходи. Может, посидим когда-то вместе.

– А то, – ободряюще произнес Артем. – Как-нибудь обязательно. Я все захвачу.

Он понял, что приобрел преданного друга.

Что сказать о квартире, в которой он оказался... Одна комната, крошечная кухня, ванная-закуток. Но дело даже не в размере и качестве. Это было совершенно необжитое помещение, его и жилым не назовешь. Валентина со своими звериками тут чужая и неуместная. Артем

практически не видел вещей, которые выдавали бы принадлежность хозяйке. Никаких книг, ни одной фотографии. Ни любимой настольной лампы, ни ноутбука, ни даже письменного стола. А ведь он читал в Интернете, что она пишет детские сказки и рассказы и они издаются.

Артем помог Вале переодеться в ситцевый халат, проводил в ванную. Он, кажется, вообще в первый раз видел такой санузел. Замазанные зеленой масляной краской стены, ржавая ванна, на краю такой же раковины зубная щетка и паста в граненом стакане и кусок мыла без мыльницы.

Валентина сказала, что она справится. Артем вошел в кухню. Маленький допотопный холодильник, квадратный пластмассовый стол, рядом с ним пять мисок, одна, большая, с водой. У стены, рядом с дверью на балкон, – четыре небольших тюфячка. Их обладатели смотрели на него с ожиданием и опаской. Может, покормит, может, наоборот – сделает что-то плохое. Две кошки и две собаки были худыми, состояние шерсти выдавало возраст, но они явно не были жертвами жестокого обращения. Они просто утомлены долгой разлукой с той, которая их очень любит. А теперь, когда она вернулась, готовы вынести все.

Содержание холодильника стало очередным свидетельством того, что в жизни Валентины есть любовь. Из человеческих продуктов там оказались две пачки гречки, три пакета картошки и засохший батон. А внизу стояли пакеты с очень хорошим и дорогим сухим кормом для животных. Один был Артему знаком. Когда была жива мать, он доставал такой для ее кота с мочекаменной болезнью. Этот корм всегда был дефицитом, знали о нем только продвинутые, образованные владельцы.

Почему все это в холодильнике? Ну, кроме того, что Валентина хотела, чтобы все лучше сохранилось во время ее отсутствия. Просто в кухне нет ни одного шкафа, только полка, на которой стоят несколько тарелок и чашек. На плите кастрюля и сковорода.

Да, такое стоило предвидеть. Так называемая «квартира» Валентины была забита неодушевленными свидетелями большой беды.

Валя выбралась из ванной утомленной до изнеможения. Артем подхватил ее у двери, когда она пошатнулась, и донес до дивана с потрепанной тряпичной обивкой. Помог улечься, накрыл тонким пледом.

– Делаем так, – убаюкивающим голосом проговорил он. – Ты глотаешь эту таблетку, я делаю маленький укольчик, и ты поспишь минут сорок. Я за это время выйду на разведку данного населенного пункта. Уверен, что найду место, где готовят и продают еду. Куплю что-то по своему вкусу. Поедим вместе с меховым стадом. Мы с ними точно проголодались.

Валя только благодарно вздохнула и закрыла глаза.

Вечером Артем позвонил в клинику и сказал, что приедет уже завтра утром. Сейчас отправляется домой, в свою московскую квартиру. Всю дорогу, остаток вечера и как минимум полночи он напряженно, в режиме компьютерной программы решал одну задачу: «Что это было?» Где начало уравнения, какие составляющие, каким может или должен быть результат.

Из разговора с Валентиной, которая очень старалась обходить главные вопросы, он сумел многое узнать и понять. Но нынешняя ситуация, в которой находилась женщина, казалась такой странной, лишенной объяснений, что вывод один: надо искать самому. Это ведь его принцип существования: ничего не оставлять без научного обоснования. Никаких открытых вопросов. И при этом ничего личного, только объективность.

Артем прежде всего выделил суть. Где может быть начало, точка отсчета? С этого места можно выстроить условие задачи. После смерти родителей Валентина осталась единственной собственницей пятикомнатной квартиры на Кутузовском и наследницей авторских прав отца, регулярно получающей проценты с продаж его книг, которые по-прежнему издаются. А когда все были живы и вместе... Родители существовали в напряженном поле хронического конфликта. То и дело оказывались на грани развода. Каждый из них был полностью погружен в свое дело и вытекающие из него проблемы. Дочерью родители формально занимались, но им

было не до терзаний и сомнений подростка, ранимого, неуверенного в себе и застенчивого до степени недуга. Дома с Валею почти не разговаривали. И она с благодарностью и восторгом воспринимала любой знак внимания со стороны сверстников. В их элитной школе это были почти всегда самоуверенные, избалованные отпрыски влиятельных людей. Они и втянули ее в какую-то неприятную историю, потом подставили как инициатора. Родители сурово заявили, что вытаскивать ее не собираются, надо отвечать за свои поступки. И Валею по суду отправили в интернат для трудных подростков. Там она узнала все: и побои, и голод, и, главное, постоянные моральные истязания. После интерната вернулась домой на короткое время, пока не устроилась на работу нянечкой в ясли. Потом сняла себе комнату в квартире парализованной женщины, бесплатно, за уход.

Дома после ее возвращения всем стало некомфортно вместе. Они были чужими друг другу: Вале казалось, а может, и не казалось, что родители обходят ее с брезгливостью. К ее решению – жить отдельно – они отнеслись с облегчением. Она поступила на заочное отделение пединститута. Бессонными ночами, когда хозяйке было особенно плохо, начала писать смешные и веселые детские сказки. Так Валя спасалась.

В квартиру родителей Валентина вернулась, когда умер отец. Мать была уже очень больна, вскоре Валя похоронила и ее. Она, конечно, горевала, но ее жизнь сама, без ее участия, вдруг начала стремительно меняться. На нее вышли издательства, которые публиковали книги отца, оформили договоры. Потом начали печатать и ее сказки, правда, вышло только два сборника.

Валя погружалась в состояние неземного блаженства, осознавая, что это ее дом, ее убежище. Стены со стеллажами книг до потолка, фотографии многих поколений родственников, домашние снимки известных актеров и актрис – коллег мамы, красивая мебель, дорогие, уникальные статуэтки, которые так любили родители. У Вали появились животные, которых ей запрещали иметь в детстве. Но главное и самое невероятное состояло в том, что Валя вдруг оказалась популярной и востребованной. Даже незнакомые люди, глядя на нее, говорили друг другу: «Это та самая, дочка Вольского», «Дочка артистки Гриневой, даже немного похожа». А собаки – лохматый метис Грэм и бракованная такса Ника – вывели Валею на собачьи площадки, откуда за ними потянулись нити настоящей дружбы собак и собачников.

Искренность, неизменная доброжелательность Вали, ее постоянная готовность всем помогать, выслушивать, за всех переживать не просто привлекали к ней огромное количество новых знакомых, но и в короткие сроки сделали многих из них близкими и необходимыми друзьями. Когда Валя рассказывала Артему о чудесной перемене в своей судьбе, он смотрел на нее с добрым участием, в котором Валя, конечно, не заметила ноток сомнения. А думал он о том, что она, конечно, первая в списке людей, с которыми хочется дружить. Но почему неглупый и опытный человек ни разу не задумался: где они все были до сих пор? Все эти уникально добрые и преданные друзья? До момента, когда она стала богатой наследницей знаменитых людей. До тех пор, когда освободилась от чужой воли и стала свободной во всем. В самых невероятных решениях... Валентина ведь при жизни родителей снимала комнату не просто в том же районе, но через несколько домов. Она заходила домой, бывала в этих же магазинах... и оставалась невидимкой для всех.

Дверь в квартиру Вали практически не закрывалась, телефон не умолкал. Ей было жалко даже тратить часы на сон, потому что на собачьих площадках кто-то есть круглосуточно и ей так все рады... В ее жизни, конечно, появлялись и огорчения, большие и маленькие проблемы, горести потерь. Но фон осмысленного, яркого, открытого существования оставался прежним на протяжении многих лет. До того самого момента...

Так Артем и вышел к началу уравнения. В светлой и полной особых смыслов полосе существования Валентины появилась особая подруга Лиля. И началась история, в которой

больше восклицательных знаков, чем вопросительных. Артему даже трудно поверить в то, что все так просто. В деталях надо разбираться, конечно, без Валентины.

Конура, в которой сейчас живет Валя, принадлежит Лиле. Сама Лиля раньше снимала в подъезде дома Валентины закуток под лестницей, который когда-то служил дворницкой. Теперь живет в квартире Валентины Гриневой-Вольской. Все московские друзья пропали, никто даже не звонит, кроме Лили.

– И в чем же был смысл переезда? – спокойно уточнил Артем.

– Так свежий воздух! Тишина и покой, – с натужным воодушевлением объяснила Валя.

Артем подошел к окну, с усилием открыл допотопную форточку, потянул носом этот волшебный целительный воздух. В нем явственно ощущались нотки гари и пыли с какого-то предприятия неподалеку, а также плотный запах свалки, которая видна даже из окна.

– Ну да, конечно. Воздух, – произнес Артем. – Как я не сообразил?

Тупая получается задача, сделал Артем вывод к рассвету. Такого сейчас сколько угодно. И все же есть интересный нюанс: это не развод по телефону за пять минут методом шокового воздействия. Это годы. Валя живет в этой конуре больше двух лет. «Подруга» Лиля столько же обитает в пятикомнатной квартире Вольских. Валентина крайне стеснена в средствах. Все как в самой банальной афере. При этом жертва не лохушка, как говорится. Она умный, образованный человек, у нее множество нормальных знакомых, а это связи. Ее уважают и как дочь известных людей. У нее есть немалые деньги... Или были? Возможно, Лиля распоряжается ее деньгами по доверенности, поскольку Валя из своей дыры практически невыездная, компьютера нет, а телефон без Интернета. Скорее всего, «единственная подруга» оттеснила остальных, отбила у них охоту созерцать происходящее.

Утром Артем зашел в кабинет главного бухгалтера:

– Татьяна, ты меня впечатлила тогда поиском информации о Валентине Гриневой. Не сможешь еще? Это для приятеля, который сейчас за границей.

– Рассказывай, чтобы я сообразила, что нужно. Обожаю эти истории о людях, которые с большим успехом ищут приключений на все свои места. Давай сразу угадаю: квартира уплыла в сторону мошенников или озабоченных воровством чиновников?

– Да вроде пока ничего не уплыло, но что-то подозрительное происходит. Хотелось бы разобраться, пока не поздно. Есть у тебя кто-то подходящий?

– Конечно. Приличные помощники и эксперты в налоговой, есть спецы в отделе МВД по экономическим преступлениям... Смотря какая цель. Есть вообще крутейший частный детектив, который может расследовать преступление по заданию налоговой службы, а может сделать то же самое по заказу против нее.

– Полиция отпадает сразу, – сказал Артем. – Нам не нужны облавы с топорами наперевес. «Эксперты в налоговой» – звучит как-то противно. Тут наверняка нужны заявления пострадавшего и прочая хрень для всеобщего обозрения. Нам такое не надо. А частный детектив – самое то. Можешь на него выйти?

– Постараюсь. Тут нужно, чтобы за нас его попросил тот, кто с ним постоянно работает. Я таких знаю. Если получится, позвоню.

– Спасибо, дорогая.

– Да не за что пока... Артем, можно вопрос? Я же все равно узнаю, как ты понимаешь. Это не для друга за границей, а по поводу нашей Гриневой, у которой не жизнь, а не пойми что? Я права?

– Как всегда, – улыбнулся Артем. – Но если замечу, что кто-то еще в курсе... кто-то из нашей компании любознательных и задорных охотников за человеческими внутренностями, – нашей дружбе конец. Я не шучу.

– Черт, надо же такое брякнуть! Что с тобой не так, Артем? Все настроение упало. Я в клинике знаю обо всех практически все. Но мое знание никогда не было предметом сплетен.

– Извини, – спокойно сказал Артем. – Я просто озвучил опасение. Так я жду. Частный детектив позвонил Веригину через пару часов.

– Сергей Кольцов, – представился он. – Какого рода работа?

– Только информация, – ответил Артем. – Решения и действия – это мое дело, и оно останется моим секретом.

– Нормальное такое заявление. Нормальное только для большого оригинала, каким вы, несомненно, являетесь. Наслышан, конечно. Куда подъехать за наводками? По телефону ничего не обсуждаю.

– Сброшу адрес. Ваши условия?

– Договоримся при встрече. Если честно, в данном случае готов работать не за деньги, а за возможность. В смысле: если я заболею или кто-то из родни, то к врачам общаться не стану, как поется. Только к вам... Легенды ходят.

– Я вообще никому не отказываю. Хорошая легенда? – закончил тему Артем. – Так жду. Сегодня в девять удобно?

Ровно в девять вечера в квартиру Артема позвонили. Он открыл дверь, впустил стройного синеглазого блондина с седыми висками в джинсах и белой майке. Одобрительно осмотрел гостя и со своей мягкой неотразимой улыбкой произнес:

– Захотелось до вас дотронуться, Сергей. Вы точно настоящий, а не кадр из голливудского фильма?

– Можете ткнуть в меня вилкой, – охотно поддержал тему Сергей. – А вы, конечно, добрый доктор Айболит, без всяких предположений. Глаза такие ласковые-ласковые, что у меня вены на шее напряглись, как будто к ним уже прикоснулся скальпель.

– Хороший ответ, – улыбнулся Артем. – Рад, что мы сразу друг другу понравились. Не против, если мы посидим на кухне? У меня там пиво, пицца еще теплая, только что принесли. Я пятнадцать минут назад вернулся с работы. Семь сложных операций, одна простая. Да и вы, наверное, устали. Покраснение сосудов глаз. Это сильное переутомление, если, конечно, у вас нет аллергии, конъюнктивита, повышенного давления, высокой температуры, закупорки вен сетчатки...

– Стоп, – прервал Сергей. – Я в твоём профессионализме не сомневаюсь, старик. Не надо меня на понт брать. Я тоже умею слова из букв составлять и даже читать. У меня воспаленные глаза, потому что я был в пыльном и грязном месте часов восемь. Помогает пиво и созерцание пиццы. Пошли на кухню.

Суть задачи Артем изложил очень коротко и четко. Одна его пациентка кажется ему жертвой преступления. Сейчас она в большой беде еще и потому, что условия ее жизни не соответствуют состоянию ее здоровья. Это не совсем обычная пациентка. Она дочь писателя Вольского, которого очень любил отец Артема. Она носит фамилию матери – актрисы Гриневой. В Интернете много материала, кроме текущей ситуации, конечно. Предполагаемая виновница и лжеподруга – Лилия Иванова, есть только адрес, по которому она живет, он и является основным адресом жертвы. Работает она, как всем говорит, дома, дистанционно, на какую-то финансовую фирму. Нужно просто собрать все, что возможно, на Иванову.

– Понятно. Банальная ситуация, – заметил Сергей. – Очередная нищая и озлобленная провинциалка рванула в столицу на охоту. Хочет все быстро и сразу. А что у этой Гриневой-Вольской с психическим здоровьем? Она точно в себе?

– Да в том-то и дело, – ответил Артем. – Абсолютно вменяемая. К тому же образованный, просвещенный, интеллигентный и чуткий человек. Став собственницей, приобрела массу достаточно продвинутых и даже влиятельных знакомых. Считает их верными друзьями. И почему-то никто ее не попытался предупредить, оттащить, они просто все испарились.

– Ну, это как раз объяснимо. Человеку невозможно помочь, если он не ищет, не хочет помощи. Навязать спасение почти нереально. Легче на самом деле закрыть на что-то глаза. Эта

Вольская, видимо, жила с родителями в золотой клетке, воспитана на сказках, и у нее ноль жизненного опыта...

– Да в том-то и дело, что все наоборот. Семья была тяжелой, дочку родители забросили, она попала по суду в интернат для трудных подростков, потом очень тяжело выживала отдельно от близких. Жизнь наладилась только после смерти родителей. Квартира, деньги, участие в издании книг отца, сама стала писать. И тут появляется эта Лиля...

– То, что появляется эта Лиля, – практически закономерность. Рядом с благополучным человеком могут появиться сотни Лиль. Но как нормальный человек может повестись на такую аферу? Какие у тебя соображения?

– Мне кажется, это может быть следствием безграничной доброты, обостренного сострадания. Может, Иванова придумала какую-то трогательную историю... Это все, что я могу предположить, – произнес Артем.

– Такое бывает, – согласился Сергей. – Но разум должен был удержать ситуацию в рамках. Если он, как ты утверждаешь, есть. Нет, тут что-то другое. Очень похоже на шантаж.

– Но чем? Валентина – вся как на ладони. Не скрывается, не убивала, не занимается запрещенной деятельностью, не, не и не...

– На твоей ладони, Артем, только то, что ты вынимаешь из человека во время операции и рассматриваешь, – проговорил Сергей. – Но бывают у людей такие странные тайны: какая-то ерунда, таракан в голове, привычка, привязанность – и они трясутся над этим, как над главным сокровищем. У Валентины было в жизни что-то похожее на мужчину?

– Подробно не говорили об этом, но она в каком-то контексте уверенно заявила, что заводить семью категорически не хотела. Никаких мужей, детей. Бежала и пряталась от такой возможности. Ее семья – две кошки и две собаки.

– Как повезло Лиле, – произнес Сергей и встал. – Работаем. Свяжусь с тобой в течение двух дней.

На следующее утро Артем в глубокой задумчивости чуть не налетел у своего кабинета на санитарку Аллочку, которая прижалась к двери и, кажется, досыпала.

– Ой, – воскликнула она, – вы меня чуть не убили. Я вас давно жду, а то потом вас не поймать. У вас подряд две большие операции.

– Что-то случилось?

– Нет. Все замечательно. Может, впустите меня? Неохота на весь коридор говорить.

– Конечно, заходи. Так что у тебя?

– Это не совсем у меня. Завтра день рождения у нашей Валентины. И я подумала... Она же там будет одна мучиться... Она же без меня не могла помыться, в туалет сходить, а там темная дыра и пустота, если не считать нетрезвого Васю. И животных, конечно, которым тоже уход нужен.

– Подожди, Алла, ты едешь к Валентине?

– Не то чтобы едью, просто заскакиваю иногда. Я электросамокат купила.

– Боже, какой ужас. В смысле самоката. Ты такая рассеянная. И что ты хотела мне сказать?

– Я хотела предложить... Может, вы согласитесь... Давайте завтра съездим к Валентине? Поздравить. Я бы купила продуктов, приготовила бы что-то горячее, я умею. Она была бы счастлива, если бы вы заглянули.

– А ты с Валентиной обсуждала идею? Больные люди не очень радуются, когда на них незваные гости сваливаются.

– Я обсуждала! Я что – совсем глупая, чтобы без спросу. Она сказала, что была бы очень рада. Особенно, если вы... Она никого не ждет, говорит, что, может, только одна подруга заедет.

– В каком контексте Валентина сказала про подругу?

– В этом и сказала. Я говорю: «Хотела бы приехать поздравить, привезти что-то на стол, может, и Веригин захочет...» А Валя говорит: «Тогда, наверное, и подруга Лиля приедет, она хотела познакомиться с людьми, которые меня навещают после больницы. С врачом Лиля хотела поговорить».

– Это уже интересно, – заметил Артем. – Уточни, в котором часу мы можем приехать, чтобы совпасть с подругой. Я освобожу время. И возьми мою карту. Купи с утра в хорошем ресторане готовые блюда, чтобы точно вкусные и полезные. Фрукты, красное вино – спросишь, какое хорошее. И подарок надо бы...

– Вот я придумать не могу, что ей подарить. Тот случай, когда надо все и ничего...

– Посмотри в Интернете, где продаются ее сказки и книги отца. Выбери самые красивые издания. Ей точно понравится.

На следующий день они приехали к Валентине в семь часов вечера. У подъезда их встретил торжественный Вася в белой рубашке под синим пиджаком из лучших времен. Дверь в Валину квартиру была открыта. Она дрожала от волнения и усталости, опираясь на две палки. Видно было, что Валентина пыталась убрать квартиру, привести себя в порядок. На тщательно умытом лице горели красные пятна, волосы были еще влажными. В голубых глазах билось детское изумленное ожидание, перемешанное со страхом. Она была в своих черных брюках, вероятно, единственных у нее здесь, и бежевом джемпере.

Аллочка обняла Валентину, защелкала, вручила подарок в белой бумаге с розовым бантом. Валентина развернула, застыла, с трудом перевела дыхание. Затем погладила каждую книгу, как живое любимое существо, и отвернулась от гостей. Она пыталась не заплакать. Артем поднял сумку с едой, потянул Аллу за руку и повел ее на кухню. А там им навстречу двинулась, широко улыбаясь, коренастая кареглазая шатенка лет тридцати пяти. Это, конечно, была Лиля Иванова.

Особая подруга Валентины оказалась коммуникабельной, разговорчивой и жизнерадостной. Она и солировала весь вечер, как виновница торжества. Она знала толк в блюдах и винах, делилась новостями в области косметики и моды, своими предпочтениями и открытиями. Она умело и весело рассказывала истории с собачьих площадок, куда ходила гулять со своим джек-рассел-терьером. Называла имена людей, клички животных – это все была компания Валентины на протяжении многих лет. Это было так откровенно и очевидно, что гости ни разу не улыбнулись в самых смешных, казалось бы, местах. Артем смотрел на лицо Валентины, не в силах отвести взгляда. В ее глазах были боль и ужас. И только она искусственно смеялась и произносила восторженные фразы высоким голосом, готовым прорваться плачем.

«Вот она, изодранный пытка, – подумал Артем. – Ее публично истязают картинами украденного мира. Может, это на самом деле не просто корыстный замысел, как считает Сергей. Но и ненависть, угроза, шантаж. Но как это все возможно адресовать беспомощной Валентине? Беспомощной не только физически».

Когда Артем и Алла поднялись и стали прощаться, Лиля немного растерялась. Она явно не могла решить, уйти с ними или остаться еще.

– Поехали с нами, Лиля, – добродушно произнес Артем. – Моей пациентке необходимо отдыхать. Слишком много активности на сегодня. Вася, выведи собак, потом позвони мне, расскажешь, как себя чувствует Валентина. А ты, Валя, постарайся уснуть. Аллочка завтра приедет, немного приберет, я отпущу ее раньше.

Лиля смотрела на него прямым, пытливым и настороженным взглядом. Она не могла не понять, что ее предупредили о контроле. Артем не сомневался, что за таким взглядом что-то последует.

Во дворе они разошлись по машинам, кивнув на прощание друг другу.

А на следующий день к вечеру Лиля появилась на пороге кабинета доктора Веригина.

– Разрешите войти? У меня к вам серьезный разговор.

– Заходите. – Артем кивнул в сторону стула напротив своего стола.

Иванова была в роли матери Терезы, скорбно и достойно несущей свой тяжкий крест спасения страждущих. Она долго и довольно складно повествовала о том, какой мукой оказалась ее попытка помочь человеку с безумной потребностью рваться на край беды. Конечно, легче всего плюнуть и забыть нелепую дочь известных людей, которая не способна ценить ничего – ни того, что досталось ей от родителей, ни собственную жизнь.

– Но... – Лиля даже коснулась платочком уголка одного глаза, как будто промокая невидимую слезу, – я так привязалась... Я так втянулась в эту борьбу за жизнь Вали. Она в общении такая приятная, бесконфликтная, скромная. Если смотреть на нее с расстояния. Но на самом деле в ней живет постоянная страсть к истреблению. Любого порядка, всего, что нажито другими и досталось ей просто так. И даже собственной жизни. В прямом смысле. Она же постоянно что-то себе ломает, режет, обжигает. Ее бывшие друзья думали, это потому, что она никогда, по сути, не жила в семье, не приучена ни к хозяйству, ни к уходу за собой. А я к Вале ближе всех и поняла другое: ей нравится видеть, что кто-то страдает из-за нее. Она такая нежная, невинная, постоянная мученица, а все остальные вроде виноваты перед ней и обязаны.

– Прошу прощения, Лиля, – прервал ее на двадцать восьмой минуте Артем. – Мое время расписано буквально по секундам. Валентина Гринева – моя пациентка после сложной операции на бедре. Раз вы считаете себя близким ей человеком, готов ответить на ваши вопросы относительно бедра Гриневой. Ваши психологические изыскания меня не интересуют. В принципе, не имеют ко мне отношения. Так что если у вас все, то я вернусь к работе.

– Но вы же врач, – с придыханием произнесла Лиля. – Вы же не можете не знать, что есть люди, которые сознательно вредят себе. Как раз с целью заставить страдать близкого и самого неравнодушного человека. Это наш случай.

– А вы настойчивая дама, – насмешливо произнес Артем. – Не собираетесь перейти к теме суицидов назло страдающему человеку?

– Вы в такое не верите?

– Я ни во что не верю. Я знаю или хочу узнать. Именно поэтому не могу выслушивать пустую болтовню. Вы заметили, что в ваших рассуждениях только оценки и ни единого факта?

– Это не значит, что их у меня нет. Фактов множество, – сурово произнесла Лиля. – Я просто недостаточно хорошо вас знаю, чтобы делиться. Но кое-что скажу. Я перевезла Валентину в свою квартиру в безопасном месте, чтобы спасти ее жизнь. Она ведь написала завещание на одну авантюристку, которая втерлась к ней в доверие. Отписала все: квартиру и деньги, те, которые достались по наследству и которые поступают по авторскому праву. Вот я стерегу ее квартиру, ее счета по доверенности и пытаюсь спасти ее жизнь. Все жду, когда к ней вернется хоть какое-то соображение. Надеюсь на вашу помощь, она вас боготворит.

– Да вы романтик, Лиля, – улыбнулся Артем. – Раз такую конуру без единого удобства и даже без ноутбука, в которой выживает без денег пишущий человек, называете спасением.

– Да, так! – гневно воскликнула Лиля. – Я стараюсь, чтобы Валу не так легко было найти. Чтобы она не светилась в Интернете.

– Получилось! – Артем встал. – Так трудно найти, что санитарка Аллочка нанимала отряды для поиска с собаками. Лиля, я не тот человек, которого развлекает, когда его считают дураком. Не тратьте попусту силы. Я вообще посторонний, если вы еще не поняли. В силу профессии проявляю дозированную заботу о людях. А вникать в подробности отношений, мнений и чувств – это ни в коем случае. Не благодарите за то, что выслушал вас, и до свидания.

Артем встал и вышел из-за стола. А Лиля вдруг рванулась к нему навстречу и страстно сжала его руку:

– А я поблагодарю. И скажу только еще одну вещь. Я никогда и ни с кем так откровенно не делилась своими мыслями и чувствами. Я ведь все скрываю за беззаботным видом, чтобы никого не напрягать. А сейчас мне стало настолько легче. И в этом все дело. Я с первого взгляда

почувствовала, что вы необыкновенный человек... Я больше почувствовала... Как будто меня притянул магнит...

Она прижалась лбом к его груди, и тут сомнений не осталось: Лиля перешла к роли страстно влюбленной женщины.

Артем мягко отодвинул ее на безопасное расстояние:

– Вы произнесли «я» пять раз, еще было «мне» и «меня». Видимо, это показатель того, что вам на самом деле полегчало. Надеюсь, на сегодня это все.

– А не на сегодня? – вдруг кокетливо спросила Лиля. – Я вообще-то главного не сказала. То, для чего пришла. А что, если я приглашу вас к себе? Просто посидеть, пообщаться. Валя рассказала, что ваш отец очень любил книги Вольского. А у меня не только книги, но и архивы, дневники, масса альбомов с фотографиями семьи и многих известных людей. Я просто не знаю, как еще отблагодарить вас за вашу доброту к Валентине.

– К себе – это в квартиру Валентины? – уточнил Артем. – А интересная мысль. Почему бы нет... Пожалуй, смогу отодвинуть остальные дела на завтра. На самом деле хотелось бы посмотреть. Вы выходите, а я спущусь минут через двадцать.

Когда она вышла, Артем набрал номер Кольцова:

– Сережа, у меня новости. Приехала Иванова, ведет какую-то игру. Пригласила меня в квартиру Вольских. Изображает влюбленность. Чтобы нам время не терять: проверь, пожалуйста, на кого Валентина написала завещание, актуально ли оно сейчас. Что Ивановой нужно от меня, узнаю по ходу. Чувствую лишь, что-то нужно. Как поздно можно тебе звонить?

– Пока не станет рано. Я сплю, когда ты едешь на работу. До связи.

...Артем подъехал к своему дому в начале второго ночи. Собираясь позвонить Сергею уже из квартиры. Вышел из машины и не особо удивился, увидев своего сыщика рядом с собой.

– Мимо проезжал, – объяснил Сергей. – В окнах света нет, решил подождать. Подумал, что о твоей исторической встрече лучше по телефону не говорить.

– Это так, – произнес Артем. – Именно это и хотел тебе сказать по телефону. Поднимешься или прямо здесь? Только суть, как повод для размышлений.

– Давай здесь. Тем более что материалы я тебе выслал на мейл, есть что почитать в плане тех же размышлений. Что-то выяснилось в ходе визита?

– Все выяснилось. Окончательно и бесповоротно. Да, экскурсия по квартире порадовала. Масса антиквариата, подлинники хороших картин и сокровище в виде богатейшего архива. Ничего из этого не издавалось. Для специалистов – большой подарок.

– Хозяйка была гостеприимной?

– Да, вполне. Была именно в роли хозяйки. Вид торжественный, я бы назвал это беременностью великой идеей. Еда и напитки, по крайней мере, дорогие. И да, был момент, когда мадам имитировала страсть, пыталась выскочить из своих штанов и посягала на мои. Но это мы быстро проехали: я посоветовал ей препараты от одышки, отеков и потливости после выпитого спиртного и слишком калорийной еды.

Артем выдержал паузу.

– И? – не вынес Сергей.

– И она перешла к делу. Она предложила мне убить Валентину. Гуманным, конечно, способом, чтобы это выглядело как естественная смерть от сердечной недостаточности. За половину сбережений Вольского, оставленных дочери в наследство. Там приличные такие миллионы.

– Стремительно, – заметил Сергей. – Немного быстрее и решительнее, чем я ожидал. И что ты ответил?

– Я согласился.

– Это то, что я думаю?

– Да. Хочу спалить всю малину сразу. И чтоб никаких сомнений, типа «его слово против ее слова». Там ведь сбита и отморозенная банда, причем все служаки при исполнении. Никаких ряженых. Своя бригада «скорой», нотариус, свой наряд полиции. Мое присутствие в истории с Гриневой ставит все под удар. Иванова поняла, что я начну узнавать, причем как раз с медиков, искать настоящую причину смерти своей пациентки. Не понять такое невозможно. Иванова решила преобразовать опасность в оружие. Она немного переоценивает мою значимость и влияние, но это к лучшему. Потому такая плата. От тебя нужны камеры в хибаре Валентины, а дальше действуй как надо, тебе виднее. Да, разговор у меня записан. И еще: все будет в реальном времени и всерьез, чтобы никаких сомнений ни у кого, ни при какой проверке и перепроверке. Должно быть зафиксировано именно убийство. Когда все закончится, я сумею объяснить свою роль.

– Я могу тебя отговорить?

– Нет, конечно. Я же предупреждал, что решения за мной.

– Ты же понимаешь, в чем главный риск, из-за которого мне почти нереально согласовать операцию? В том, что у тебя что-то пойдет не так... Такое же возможно: к примеру, сердце жертвы не выдержит и... И вся твоя жизнь под откос.

– В тюрьме тоже есть жизнь, если ты об этом. Да, сяду вместе с бандой, если это окажется единственным способом этих тварей обезвредить. Представь себе ученого, который вывел сорт уникальных растений, живет для того, чтобы они росли, размножались, приносили миру красоту и пользу. И вдруг появляется саранча, которая их уничтожает просто так, чтобы не было. Чтобы нажраться. Моя цель – спасти и лелеять человеческие жизни, и я не потерплю иного. Ты же понимаешь: откажись я сегодня – завтра вопрос был бы решен иначе. Камень с крыши, к примеру. Подушка на лицо, воздух в вену... Нам – мне и тебе – требуется, чтобы никому не пришлось искать доказательства и свидетелей. Сомневаюсь в существовании таких энтузиастов. Надо, чтобы все было в записи на видео. Четко и во всей криминальной сути – без смягчающих обстоятельств.

– Камень с крыши – все же без твоего личного участия. Ты не потерпишь саранчу, даже поставив под такой риск одного совсем не безразличного тебе человека?

– Даже так. Тут Иванова права: такое существование, как у Валентины, – это хуже любого придуманного ада. Для нее любая перемена к лучшему, даже смерть. Но это все мои рассуждения для дилетантов, то есть для тебя и тех порядочных людей в правоохранении, которые, надеюсь, у тебя есть. Мне самому таких не найти днем с огнем. Но на самом деле у меня не может пойти что-то не так. Прими как данность. Такое никогда не случается.

– Ее посветишь?

– Сначала решил, что ни за что: у нее на самом деле не стальное сердце. Но для нее ударом будет все, включая возвращение к нормальной жизни. Так что я передумал: подготовлю во всех отношениях. И это у меня тоже получится.

– Черт, не ожидал, что мелкая помощь доброму доктору Айболиту обернется масштабной операцией с риском для всех, в том числе и для меня. Но чутье у тебя есть, док. Надеюсь, и это тот случай. Посмотришь материалы в почте. Даже я впечатлен. Только у Ивановой за шесть лет в Москве оформлены в собственность девять квартир. Пять по завещанию, четыре по дарственной. Четыре собственника пропали без вести после оформления, три – в нелегальном приюте для престарелых, что-то типа концлагеря. Два в интернате для инвалидов. По украденным сбережениям отчет отдельно. И последнее на сегодня. Та злодейка и авантюристка, которая втерлась в доверие к Гриневой, – это девушка двадцати трех лет. Вера Изотова. Ее отец был художником издательства, где выходили сказки Валентины. Он оформлял ее книжки. У них было что-то вроде романа, но они прекратили отношения из-за болезни жены художника. Она вскоре умерла от рака, а три года назад и он погиб в ДТП. С тех пор Гринева и опекала Веру. Это легко понять: девушка маленькая, хрупкая, сильно близорукая и вообще убитая своим

сиротством, не готовая к самостоятельной жизни без всякой опоры. Я с ней встретился. Там одни глазищи на пол-лица. Я бы ей и пятнадцати не дал. Завещание на нее было, но потом к ней пришли какие-то люди, отобрали ее экземпляр и велели забыть об этом. Иначе угрожали похищением или убийством ребенка. Дело в том, что Вера – медсестра в детском хосписе, и ей удалось взять под опеку мальчика-сироту трех лет с лейкозом. Пожалела ребенка. У него вроде есть надежда. И Валентина обещала, что возьмет на себя его лечение. От этого ее и «спасла» Иванова. Гринева все скрывает от всех, даже близких друзей, потому что шантаж был: жизнями Веры и ребенка. Да, завещание на Иванову, конечно, уже есть. Гринева сама подписала.

– Вот все и сложилось, – грустно сказал доктор Веригин. – Как пошло, тупо и нереально жестоко. Тот случай, когда хуже быть не может. А если подонков не схватят на преступлении, мы потеряем все: и людей, и надежду. До утра, Сережа. Я завтра должен Ивановой назначить день и освободить его от операций.

Это был день главной операции в его жизни. Он потом даже не пытался вспомнить порядок собственных действий. Веригин существовал в режиме отлаженного робота с программой мгновенной фиксации малейших ошибок и отклонений. Артем помнил, точнее, не мог уже никогда забыть другое. То, что обнаружил в себе впервые с самого рождения и что совершенно не брал в расчет. То был темный, липкий страх, который парализовал волю и стремился погасить разум. То была кипящая, безумная жалость, которая рвала сердце. И Артем хватался за спасательный канат ненависти. Такая адская компания, такая неизведанная область науки, как потребность возмездия.

Все шло по плану. Иванова уверенно командовала, как генерал на поле боя. Все подельники были спокойны, уверенны, точно знали свои обязанности. Веригин констатировал смерть Валентины Гриневой и достал бланк свидетельства о смерти с печатью собственной клиники. Иванова мельком взглянула и удовлетворенно кивнула полицейским, которые начали составлять протокол. Приметы смерти ей явно были хорошо знакомы.

Тут и вылетела входная дверь квартиры. Раздалась команда:

– Всем оставаться на своих местах и не двигаться! Полицейским разоружиться и положить оружие на пол.

Веригин как в тумане увидел Сергея, а рядом с ним – человека с жестким и непроницаемым лицом. Это и был полковник Земцов, начальник отдела похищений и убийств, который согласовал и разработал операцию.

Артем услышал, как невысокий молодой человек в очках говорит Ивановой:

– Я следователь Кириллов. Лилия Иванова, вы задержаны по подозрению в организации убийства Валентины Гриневой с целью грабежа. Вы подозреваетесь еще в девяти аналогичных преступлениях. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Если у вас нет адвоката, мы вам его предоставим.

Только после этого Артем сделал первый укол Валентине, из серии тщательно выверенных, по выведению ее из особого наркоза, созданного им специально к одному случаю. И потом он уже ничего не видел и не слышал. То, что вокруг и рядом, его больше не касалось. Его дело – возвращать эту жизнь без малейших потерь.

...Саранчу увели, а Валя почему-то не торопилась возвращаться. Еще один новый опыт: дрожь в руках, страшный удар вспыхнувшей крови по сосудам и нервам. То была паника. Артем услышал, как его нервы рвутся, перегорая. Бросился к подготовленной для подстраховки капельнице... И тут услышал за спиной тихий голос Вали:

– Я живая, Артем? У нас получилось?

– Да черт же тебя дерит, Валя, что ж ты так долго... Дай я тебя в макушку поцелую.

Он тащил ее к свету и теплу, ощущая себя отцом, принимающим родное дитя из лона смерти. А она улыбалась и плакала.

Скрыть эту историю от публики, конечно, не удалось. Ее доставали, выкупали и наперегонки распространяли журналисты. Ею упивались соцсети. Никакой «свой» адвокат, никакие толпы адвокатов не вытащили бы Иванову из столь громкого процесса. Доктор Веригин стал кем-то вроде одиозного героя. С одной стороны, победил такое страшное зло, расплзающееся по судьбам многих. С другой – это же страшный человек, который ради справедливости готов рискнуть любой жизнью, включая свою.

Клиника не бурлила, она сдавленно шипела. И восторг, и ужас люди выражали только шепотом, чтобы Артем не услышал. Но что-то до него, конечно, долетало.

– Нет, вы как хотите, – раздался голос Марины с площадки, где курили коллеги, – а я без содрогания его видеть не могу. Нормальный человек может на такое пойти? По-моему, только маньяк.

– Если под словом «нормальный» ты имеешь в виду «обычный», как мы, к примеру, – то нет, не может, – рассудительно ответил Валерий. – Но меня как раз и греет тот факт, что есть по крайней мере один человек, который прикроет собой несчастную жертву от зловещей банды убийц.

– А если бы жертва не проснулась? – нервно спросила Светлана. – Я читала на медицинском форуме жуткий срach по этому поводу. Там пишут, что было все по-настоящему. Веригин использовал свой состав, который, скажем так, останавливает дыхание и кровообращение. Рассчитано все на секунды. А если бы что-то... Свет погас, муха пролетела... У меня тоже мурашки, как у Марины.

– Но она проснулась, – возразил Валерий. – И это говорит о том, что человек способен рассчитать подвиг профессионально и технически, как сложное хирургическое вмешательство. Любая операция – это в разной степени риск именно смерти. Лично я лягу под скальпель только Веригина. Не дай, конечно, бог.

– Господи, да вы все опять ничего не понимаете! – не вынесла Аллочка. – Валя сейчас самый счастливый человек на свете. И ребенка они с Верой начали по-настоящему лечить. Я только считаю, что без Веригина у них не получится. Попрошу его. Сама буду помогать чем смогу. А вы сплетничайте дальше.

Артем улыбнулся. У каждого Дон Кихота должен быть свой Санчо Панса.

Через несколько месяцев он позвонил Валентине:

– Добрый день, Валя. Извини, что долго не звонил. Много работы, информации, впечатлений. Как мы договорились, не посвящал тебя в подробности суда. Хочешь узнать результат?

– Не знаю. Вряд ли хочу. Даже точно не хочу.

– Результат надо знать всегда, – произнес Артем. – Чтобы осознанно двигаться дальше. Иванова получила двадцать шесть лет строгого режима. Остальные – тоже немалые сроки. Меньше всего тот, который заключил сделку со следствием и показал захоронения тел пропавших без вести собственников.

– Господи, какой ужас, – выдохнула Валя.

– Да. Но он позади. Как ты поживаешь?

– Я... я замечательно, Артем. Сейчас у меня живут Вера с Толиком. Ему тоже лучше. Но Аллочка сказала, что без твоего участия ни у кого ничего не выйдет.

– Ох уж эта Аллочка... Вам бы вместе сказки писать. Но я, конечно, хочу все посмотреть. Познакомлюсь заодно с парнем.

– Он такой чудесный! – восторженно воскликнула Валя. – Сказал сегодня, что он мой внучек. Хочешь, он это по телефону скажет?

– Еще бы.

– Я Толик. И я Валин внучек, – пропищал Артему в ухо тоненький сладкий голосок.

– Конечно, – ответил Артем. – Я так рад за вас! Вале очень нужен защитник. Ты, Толик, – тот человек.

Бедная богатая Ева

Ева – молодая женщина плотного, пропорционального сложения с миловидным круглым лицом, карими ясными глазами и всегда готовым к улыбке ртом. У нее здоровый и довольный вид... И это, пожалуй, все, что могли сказать люди о человеке по имени Ева. В меру приятном, активном, доброжелательном. Правильном, обыкновенном. Обыкновенная – вот ключевое слово общего позитивного впечатления от всего облика Евы.

Обыкновенная – вот тайная печаль, мука понимания, обреченность бесконечных попыток преодоления и временами глубоко спрятанное настоящее горе самой Евы.

Она нормально училась, нормально работает бухгалтером в нормальной фирме. Живет в нормальной квартире с нормальными родителями. Ее за все двадцать девять лет ни разу не назвали ни уродиной, ни тупицей. Такое унижительное утешение, которое лишь подчеркивает то обстоятельство, что Еву никто и никогда не называл красивой, умной и талантливой. Любой одобрительный взгляд или слово говорят только о стабильной и качественной серости.

Но у Евы имеются амбиции, которых еще никто не заметил. У нее есть не просто потребность, а жгучая необходимость выделяться на общем фоне, достаточно убогом, к слову. Многие увидели бы ее потенциал, если бы знали, как жестко, но справедливо она способна оценить любого, как безошибочно отмечает чужие пороки и слабости. Она скрывает это от друзей и знакомых по трем причинам. Первая – в ее здоровом организме нет желчности, зависти и не возникает удовольствия при виде чужих недостатков. Разве что чуть поднимается настроение. Вторая – статус обыкновенной и достаточно приятной в общении участницы любой компании, вечеринки, празднования не позволяет выходить за рамки. Ева кажется всем бесхитростной, искренней и доверчивой, то есть достаточно примитивной, но на самом деле ей хватает ума удержаться от язвительного замечания, насмешливой улыбки, саркастического комментария. А возникало такое желание постоянно. Но это может вызвать шок и раздражение, закрыть многие двери: она же не дочь безразмерного денежного мешка, от которой стерпят все. Ева просто бухгалтер. На групповом снимке коллектива – двадцать первая с краю. Ей нелегко далось звание пусть скромной, но многим известной тусовщицы. Таким результатом не рискуют. И третья – на внутреннем безмене Евы стабильность собственной, всеми принятой и одобренной обыкновенности весит гораздо больше, чем минутное удовольствие от крошечной победы и чужого унижения. Такая ерунда дорого стоит. Она как минимум вызывает ответную злобную реакцию. Ева столько раз наблюдала, как обычные приятельские отношения, проверенные временем, превращаются в многолетнюю свару с публичными оскорблениями и отвратительным базаром.

Да, Ева никому особенно не завидовала, собственная обыкновенность ее огорчала, временами причиняла настоящую боль, но не вызвала ни затяжной депрессии, ни даже потери сна и хорошего аппетита. Но если бы ее спросил какой-то голос свыше, чего бы она хотела в первую очередь, если бы удалось вырваться из очерченного круга заданной обыденности, она бы ответила не задумываясь: денег. Много денег. Ибо только они и способны скрасить не только заурядность, но даже любое уродство, бездарность и тупость. А уж просто обычного человека могут легко превратить в кумира ослепленной толпы. Такие математические законы вывела из своих наблюдений и скрытых желаний скромный бухгалтер одной из миллионов незаметных фирм.

Да, Ева не страдала, она сумела обеспечить себе достаточно комфортное существование в заданных условиях. У нее неплохая зарплата, она разбирается в моде и умеет выглядеть достойно и стильно без сумасшедших затрат. У нее здоровая кожа, нормальная фигура – ей не требуются ни пластика, ни дорогие косметические процедуры, ни спортивные залы с орудиями пыток. Достаточно по утрам делать гимнастику, которую нашла в Интернете. У Евы очень много знакомых, и даже хорошо, что никто из них не становится близким другом или

подругой. Именно прочные дружеские связи и разлетаются с громким треском и скандалами. Зато Еву часто зовут на вечеринки избранных, если кто-то заметный и значимый отпал, если постоянные спутник или спутница стали врагами. И Еву несколько не смущает, даже радует роль замены. Так ее существование становится разнообразнее и значительнее: на Еву рассчитывают и знают, что на нее можно положиться.

В ту пятницу ей позвонил эпизодический знакомый Митяй, профессиональный тусовщик, классический обалдуй, убежденный бездельник и сын богатого бизнесмена. Он предложил сходить с ним на закрытую вечеринку по случаю дня рождения Анжелины, племянницы депутата, которой исполнилось двадцать лет. Вечеринка из разряда «там будут все наши».

– На самом деле Анжелина по паспорту Алла, ей тридцать один и она депутату не племянница, мягко говоря, – хихикнул Митяй. – Но тем интереснее будет сегодняшнее сборище.

Ева скромно промолчала, но сказанное ей доставило удовольствие. Она отпросилась домой пораньше. От маминого ужина отказалась. Съела баночку йогурта, выпила стакан холодной воды. Дальше три маски по очереди, ванна, душ. Мокрые волосы почти не расчесывала, чтобы легли как можно небрежнее. Надела темно-бордовое платье с открытой до пояса спиной. Оно, конечно, китайское, но точная копия известного бренда.

Анжелина жила в небольшом элитном коттеджном поселке, в доме, подаренном якобы дядей якобы племяннице. Ева, как всегда, единственная из приглашенных без машины. Митяю это было прекрасно известно, но он сразу предупредил, что в этом смысле – пас. Он сам напрашивается к кому-то в попутчики, так как недавно опять разбил в хлам очередной новый «мерс». Папаша орал на всю вселенную, что Митяй до смерти теперь будет ходить пешком или ездить на инвалидной коляске. Но Митяю повезло: на нем ни царапины, а три человека из встречной машины попали в больницы. Папаша оплатил их лечение, закрыл уголовное дело сына по таксе и купил наследнику следующий «мерс», предупредив, что будет каждый день его обыскивать: если найдет там «косяк» или пакетик с дозой, сразу убьет сына и повезет на новой тачке его хоронить.

Митяй картинно и скорбно нес тяготы репрессий и с удовольствием находил себе извозчиков, рассказывая им свою банально-печальную повесть и горько жалуясь на собственную участь: у жестокого отца такой нежный сын, которого физически тошнит от помойки под названием «такси», за которую надо еще и деньги платить.

Ева сначала ехала на метро, затем автобусом до электрички. На платформе определила по карте, где примерно находится вилла Анжелины, и пошла пешком, предварительно сняв туфли на высоком каблуке. Она совершала такое путешествие привычно и не опасаясь быть замеченной и узнанной. Никто из приглашенных на вечеринку «там будут все наши» не может ее увидеть: она умело пробирается по лесным тропинкам. И только метров за двести Ева вышла к проезжей части, надела туфли, проголосовала и остановила такси.

От ворот дома ей навстречу двинулся Митяй. Ева с приветливой улыбкой смотрела, как виртуозно дергается его длинное и худое тело, каждая часть отдельно и в своем ритме: ноги, руки, шея, зад. Даже походка у Митяя – креативный диссонанс, приговор порядку и обыденности, протест против оков.

– Как я рад тебя видеть, моя путешественница. – Он легко прикоснулся своей впалой щекой к ее уху. – Скажи по секрету: сколько сантиметров ты проехала на такси? Ладно, не обижайся. Я просто шучу, любя. Ты как раз вовремя, основные клоуны уже на арене. Там начали выставлять напитки. Классное у тебя платье. Надеюсь, ты его не сама сшила.

Митяй был прав: публика не просто в сборе, но даже успела немного разогреться. Напитки на столах по периметру большого зала стояли в изобилии, на любой вкус. Там же огромные вазы с фруктами. В центре комнаты в живописном беспорядке помещались маленькие столики со стульями.

– Я нам выбрал самый удобный для обзора стол, – сказал Митяй. – И к нему удобнее всего приносить блюда. Сегодня будет горячее, мороженое и клубника. Скажи, что будешь пить, я сразу притащу.

– Я мало пью, ты же знаешь. Мне только бокал шампанского.

Они шли к облюбованному столику, их радостно приветствовали люди, в том числе и те, которых Ева видела в первый раз. Вот что значит прийти с профессиональным тусовщиком. Они подошли в тот момент, когда на стул у их стола уселся какой-то паренек и махал рукой девушке, которая пробиралась к нему.

– Брысь-брысь, детвора, – ласково произнес Митяй, стряхивая паренька со стула. – Это личный столик для особ, приближенных к хозяйке. Видишь, на салфетках буква «А»? Надо знать такие вещи.

Парень нахмурился, покраснел, но покорно попятился к девушке.

– А где ты увидел букву «А»? – спросила Ева, рассмотрев одну салфетку.

– Такое мое личное, внутреннее видение, – довольно ответил Митяй. – Главное, что они отлетели как ужаленные.

Ева с интересом осмотрелась. В огромной, богато отделанной комнате множество дорогих и стильных вещей. Они, как и сам интерьер помещения, демократично уживались с вульгарным кичем.

– А вот и виновница торжества, – произнес Митяй, кивнув в сторону высокой брюнетки в черном платье из сплошных бретелек и разрезов, которая слишком громко и неестественно хохотала, жеманно прикрывая рот костлявой рукой, у стола, заваленного коробками с бантами и блестящими упаковками.

– Черт, – хлопнул себя по лбу Митяй, – всегда забываю, что на день рождения принято приносить подарки. Даже в том случае, если он липовый, как все, что связано с Анжелиной. Ты ничего не прихватила?

– Надо было сказать, – пожала плечами Ева. – Что-то придумала бы. Но это же не проблема?

– Проблема только у Анжилины – в том, чтобы разобрать эту барахолку. Если ты еще не поняла по обстановке и ее наряду, она человек, который не в состоянии отличить хорошее от плохого.

– Интересная у нее прическа, – миролюбиво улыбнулась Ева. – Слева длинные, гладкие волосы почти закрывают половину лица. Справа пострижены совсем коротко, выше мочки уха. Даже, кажется, подбрены снизу. Это суперстильно.

– Супер-супер, – согласился Митяй. – Сплошное очарование. Особенно после того, как ее пластический хирург дал интервью всем СМИ, заявив, что она сама виновата в том, что после операции у нее одна скула пошла не туда, а глаз чуть не вытек. Говорит, она не соблюдала правил дезинфекции и вообще пила. А если она подаст на него в суд, он все докажет и поведаст подробности предыдущих операций. Пластоправа в той же прессе горячо поддержали верные друзья Анжилины, наперегонки заявляя, что не она, а хирург их лучший друг.

– Елки, какой ужас, – попыталась сочувственно произнести Ева. – Надеюсь, все заживет. Но если нет... то я видела два неплохих сериала, в которых героини одноглазые. Они отлично смотрелись с черной повязкой вместо глаза. Так круто и даже женственно! У обеих по сюжету прекрасная личная жизнь. Секс, дети, чудесные семьи.

– Ты это серьезно сказала? – изумленно уставился на Еву Митяй. – Я к тому, что ты это так невинно и наивно сказала, как будто на самом деле так считаешь. Как будто не издеваешься ни разу. Или?..

Ева посмотрела на него серьезно и внимательно, как на всех и всегда, и вдруг вместо ответа подмигнула правым глазом. Без улыбки.

– Блин, – выдохнул Митяй. – Так ты не дурочка из переулочка? Честно скажу, я именно такой тебя и считал. Милой и приятной дурочкой, которая впишется в любой переулочек. А ты... Так ты интересная штука.

Ева не стала ничего опровергать или подтверждать. Обоим и без того стало понятно, что каждый приобрел сейчас единомышленника и, возможно, товарища по развлечениям. Тогда они еще не думали ни о чем более серьезном. Но перешли с шампанского на более крепкие напитки. Затем на террасе выкурили один «косячок». Вернулись к мороженому и фруктам. Совсем повеселевший Митяй предложил:

– А давай выберем сладкого клиента для наблюдения и поиграем. Кто точнее определит его следующий поступок или слова.

– Как будем выбирать? – деловито спросила Ева. – Тут вообще глаза разбегаются.

– Засаекаем время и пятнадцать минут рассматриваем всю ораву. Затем каждый называет свою кандидатуру. Если совпадем, это будет чудо из чудес. Как говорится, браки совершаются на небесах и Бог шельму метит.

– Давай, – кивнула Ева. Она даже отодвинула бокал, сосредоточилась и пристально уставилась на пеструю толпу гостей, как ястреб, выбирающий добычу.

Митяй действовал иначе: он живописно откинулся на спинку стула, раздвинул и вытянул длинные ноги, практически обняв ими стол. В одной руке бокал с коньяком, в другой – соленые орешки, которые он грыз прямо из ладони. Небольшие светло-карие глаза смотрят расслабленно и нежно, как у особо извращенного садиста.

Через пятнадцать минут он произнес:

– Готова? Говори первая, а то ты, оказывается, хитренькая, можешь просто пристроиться ко мне.

– Да, – уверенно произнесла Ева. – Василиса.

– Да ни фиги же себе! Не могу поверить! У меня тоже Василиса, вот те крест. Так совпасть невозможно с родной мамой. Точнее, именно с ней и невозможно. Это и называется «конгениальность».

Выбор партнеров оказался необычен в том смысле, что Василиса была далеко не самой заметной участницей сбора. Даже не типичной. Она называла себя поэтессой и появлялась в самых разных местах, на коллективных мероприятиях – светских, политических, персональных, открытых, закрытых с допуском любой сложности, – исключительно для пиара своего творчества, о котором присутствующие чаще всего узнавали лишь от нее. Ева вообще запомнила ее только потому, что ее кошку звали Василисой. А сейчас почему-то ей бросилось в глаза выражение лица кошачьей тетки. Оно резко отличалось от остальных. Был такой период веселья, когда трезвых выражений вообще не осталось. Глаза возбужденно, азартно или призывно горели. В иных случаях уже туманно и полубезумно поплыли. Лица мокрые, красные, с растекшейся косметикой у женщин. И только Василиса сидела в одиночестве за своим столиком. Лицо не просто сухое, а подсушенное, как пергамент. В глубоко посаженных темных глазах – настороженное презрение, усталая надменность и что-то вроде отчаянного ожидания. Ева проследила за ее взглядом, который по очереди скользил по разным людям и неизменно возвращался к субтильному парню в очках и... с рюкзаком за спиной! Очкарик с этим рюкзаком и сидел рядом с Василисой за стол, что-то перехватывал, выпивал и опять отправлялся слоняться по залу. Он явно приставал к людям в любой степени опьянения, в чем-то убеждал или просил, доставал из рюкзака маленькие книжки в тонкой обложке и держал в вытянутой руке, пока их не брали.

«Это ее агент! – сообразила Ева. – Он носит в рюкзаке произведения Василисы, а потом тащит любого, кто механически возьмет книжку, к столику автора. Василиса милостиво нарисует автограф якобы преданному поклоннику, который так ничего и не понял. Боже мой, какая

прелесть, – восхитилась Ева. – Это на самом деле сладкий клиент не только для наблюдения, но и для любого розыгрыша».

– Нужен толчок, – вдруг произнес Митяй, цепко глядя на Василису. – Пойду прогуляюсь, случайно наступлю на этого прыща в очках... Дальше смотри внимательно.

Ева посмотрела на него почти с восторгом. Получается, они одновременно подумали о розыгрыше, без которого Василиса может так просидеть сколько угодно, пока не мумифицируется.

Митяй заскользил по залу, обмениваясь приветствиями и комплиментами со всеми подряд. Наконец почти упал в объятия паренька с рюкзаком. Застыл, как ударенный молнией. Повернулся и выразительно взглянул на Василису. Что-то потрясенно воскликнул, подняв руки к небесам. Это он понял, что встретил представителя великой поэтессы. Так отчаянно жестикулирует, восклицая явно восторженные слова, что сомнений нет: Митяй мечтал о подобной встрече много лет и не может поверить своему счастью. Агент дрожащими от нетерпения руками перевесил рюкзак со спины на грудь, достал три книжки, впарил их Митяю, помахал работодательнице и вцепился в локоть преданного фаната. Сцена у столика Василисы была шедевром актерского мастерства Митяя. Он что-то говорил долго и пылко, потом склонился к руке Василисы, которой она начертала автографы, и поцеловал ее. Лицо поэтессы больше не было сухим и пергаментным. Оно стало красным, потным и возбужденным, как и полагается на вечеринке. Василиса упивалась моментом славы.

«Забавная тетка, – с удовольствием разглядывала ее Ева. – Волосы на макушке собраны в затейливый пучок, две букли висят вдоль продолговатого лица с тяжелым подбородком. Под одеянием типа накидки, пончо или покрывала резких сочетаний – красного, зеленого и черного – обтягивающая черная майка, стянутая декоративными ремнями». Ева вспомнила одну инспекторшу налоговой, которую все ненавидели в их бухгалтерии. Кроме отвратительной привычки выискивать какие-то мелочи и орать, что это преступление против государства, у нее такая же страсть к примитивной и жалкой экзотике в украшении своей кондовой личности. Как говорит главный бухгалтер, вытирая пот с лица после ее ухода: «Достала. Да еще из кожи лезет, чтобы быть похожей на “городскую”».

Митяй вернулся, сияя от удовольствия. Положил на стол перед Евой три книжки – «Командиры страсти», «Рядовые любви» и «Обломки мечтаний».

– Трилогия, блин, – сказал он. – Давай быстро. Что она сделает сейчас? Я просто вбил в ее башку, что Ахматова с Ахмадулиной, вместе взятые, рядом с ней – абсолютный ноль.

– Я вижу такие варианты, – задумчиво сказала Ева. – Пошлет агента за водкой. Поташит его туда, где танцуют, будет толкать людей и наступать им на ноги. Потом...

– Так, совпадаем, – одобрительно кивнул Митяй. – Потом достанет пудреницу, узнает, где тут туалет, и прихватит туда с собой агента... как рядового любви. Дальше... Лишь бы не было детей.

Прогноз сбылся практически до мелочей. Митяй был впечатлен. Во время разезда машин он даже нашел несчастного человека, который согласился сначала отвезти домой Еву, а потом его, Митяя. Они с Евой жили в разных концах Москвы.

Перед тем как она вышла из машины, он произнес почти без кривляний:

– То, что мы открыли сегодня, не должно остаться без результата. Это было похоже на дело, а оно должно приносить доход. Я подумаю и позвоню.

Так началось дело, которое стало жизнью Евы. Жизнью, победой, богатством и несчастьем.

Звонка Митяя Ева ждала с нетерпением и страхом. Это было похоже на приближение перемены, рывка из решеток клетки обыденности. Того, о чем она так напряженно, с болью и сознанием невозможности думала наедине с собой. В неотвратимых провальных паузах между придуманным, искусственным, даже игрушечным «светским» существованием в плотном ряду

людей, никто из которых не заметит ее исчезновения и никогда о ней не вспомнит ни через день, ни через год. Разве что так: а помните, была такая обыкновенная Ева, на которую все постоянно натывались...

То, что торжественно изложил Митяй, приехав к ней на новом «мерсе», Еву совершенно потрясло. Он предложил ей вести свой видеоканал на «Ютубе». Светская хроника в очень личном, оригинальном исполнении, над которым они поработают вместе. Главным станут результаты тонкой и в то же время беспощадной наблюдательности, изящной иронии, за которой не сразу заметят попадающего точно в цель издевательства. И убойные видеокадры, снятые профессиональной камерой разведчиков в самых закрытых местах для избранных и проверенных.

– Идеи мои, как и супероборудование студии, для которой отец разрешил использовать гостевой домик в нашем загородном поместье. Он даже согласился стать нашим первым инвестором. Потом, надеюсь, у нас от желающих отбоя не будет. Веду переговоры с профессиональными постановщиками, чтобы обеспечить привлекательную картинку, для которой нам непременно предложат рекламу известные бренды. Требуется и режиссер, который научит тебя непринужденно вести себя в кадре, забывать о публике, как будто ты общаешься только со мной. И конечно, отчетливый, хотя и ненавязчивый оттенок эротики. Если согласна, увольняйся из бухгалтерии завтра. Если нет – бреди и дальше по пыльной дороге забвения в плащ-палатке собственной невидимости.

– Кто же от такого отказывается? – неуверенно произнесла Ева. – Я только не поняла: почему вести канал должна я одна? Почему не вместе? Так было бы гораздо проще психологически, да и диалоги интереснее монологов.

– Разумные слова, что говорит о том, что ты понимаешь, о чем речь. Это уже много. Если так пойдет и дальше, ты скоро сама не захочешь прерывать свой монолог, а публика не согласится выпускать тебя из кадра даже на минуту, кроме времени видеоконференции. А у меня есть очень веские и личные причины не светиться в эфире. Это сразу бы поставило под удар все дело. Во-первых, в кадре я теряю свое обаяние, которое бьет наповал только в жизни. Во-вторых, то, о чем мы хотим рассказывать, что показывать, неизбежно вызовет ответную реакцию – месть и агрессию. И я могу потерять не только обаяние, но и все остальное: репутацию, всякую симпатию наших и, главное, деньги, а с ними – доверие папы. Ты же бухгалтер, в состоянии предположить, какую травлю можно устроить успешному бизнесу отца, поискав счета, недвижимость, сунув нос в происхождение доходов. К слову, все считают меня дармоедом, а я с детства работаю папиным кошелем. То есть пашет записанный на меня бизнес. Короче, ты поняла, в чем риск.

– То есть меня травить можно?

– Тебя не за что схватить, моя дорогая. Потому-то ты одна и подходишь для осуществления плана. Ты чиста, как совесть бухгалтерии для трудящихся, как дитя рабочего и колхозницы, как отражение народных масс, которые больше хлеба и зрелищ обожают собственную ненависть к богатым и знаменитым. У нас будут миллионы подписчиков, можешь не сомневаться. И когда ты это увидишь, ты забудешь в принципе, что такое сомнения.

Примерно через полгода Ева потеряла ощущение времени как стабильного, неторопливого, вялотекущего и лишнего особого смысла потока. Понятие времени, каким оно существует в обывательском представлении, вообще исчезло. Оно утонуло в буре событий, эмоций и все более внушительных денежных сумм. Число подписчиков, они же благодарные отправители донатов, в первые же месяцы дошло до десятков миллионов. Сейчас их уже не одна сотня. Вот когда Еве пригодились ее познания бухгалтера, ее способность скрывать, проводить и выгодно размещать большие средства. То, что она раньше делала только для других. Она работала круглосуточно и давно жила в гостевом домике отца Митяя, где разместились их студия. Она забыла, что такое выходные и ночи для сна. Мысли о вечеринках даже не возни-

кали. Митяй, который по документам оказался Дмитрием Петровичем Серовым, иногда буквально силой вытаскивал ее в свет. Ее узнавали все. О, как ее научились узнавать «наши» и «ваши». Прямо скулы им сводило в подобострастных улыбках, комплименты застревают в зубах, которыми они бы с удовольствием вцепились ей в горло. Все меньше оставалось представителей условной элиты, которых Ева еще не коснулась своим улыбочивым ртом, не осыпала особыми комплиментами с таким подвохом, что ее характеристики не требовались. Публика и так содрогалась в конвульсиях восторга и писала возбужденные комментарии типа: «Вот ведь кусок дерьма, а я думала...», «Так и вмазал бы по его (ее) поганой роже».

Инвесторы стояли к ним в очереди: по большей части мотивом было страстное желание обезвредить для себя этот сладкий источник пьянящего и поражающего все живое яда. Спонсоров и членов их семей парочка, конечно, не трогала. Разве что «по ошибке», для профилактики, чтобы не жадничали и не требовали процент от дохода больше, чем им положено.

В Интернете строили версии и ломали копыя, пытаясь откопать информацию об источниках компромата, авторах видеосюжетов – выразительных, острых, убийственных и безжалостных. Скрыть участие Митяя, конечно, было нереально, да и не нужно. Его приглашали в разные студии для интервью, хватили за фалды на всех тусовках. И он, конечно, доверительно, с чистым, правдивым взором во всем признавался:

– Да, сознаюсь, что это я подал Еве идею, обнаружив в ней редкий дар наблюдательности и внутреннего видения. Даже мой подозрительный отец понял, что такой самородок не должен оставаться в тени, и разрешил устроить студию в нашем гостевом домике. Папа и был первым инвестором проекта. Спасибо, папуля (воздушный поцелуй в сторону камеры). Но Ева поставила меня в строгие рамки. И первое условие – это тайна ее творчества: мне совершенно неизвестны источники информации. Я смотрю выпуски уже в эфире и сам все вижу в первый раз. Эффект внезапности канала «Просто Ева» – и есть его особенность, причина успеха, этим нельзя рисковать. А у меня дел хватает: оборудование, команда профессионалов, безопасность хранения информации, исключение рисков для ведущей.

Митяй рассказывал это на голубом глазу, когда они уже забыли, как ютиться в гостевом домике папы. Через полтора года на имя Евы были оформлены три особняка, огромный гараж для коллекции автомобильных брендов, на которых был помещан Митяй. И, конечно, счета Евы. Их число постоянно увеличивалось, и все это надо было умело и вовремя убирать из публичного и доступного пространства.

Да, они пахали как кони, но удовлетворенность результатом делала их старания желанными, вдохновенными и радостными. И такая важная вещь: Ева, которая спала от силы по два часа в сутки, выглядела все лучше. На экране она казалась очень ухоженной и в то же время естественной. Не красавица, но восторженные зрители восхищались ее кожей, волосами, глазами, улыбкой, фигурой. Эффект достигался стараниями группы мастеров по уходу за лицом, телом и волосами, а также усилиями специалистов редактирования изображений и видео, но это обычная практика, и она добавляла Еве уверенности и непринужденности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.